

В.А. Мазиллов

Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Настоящий психолог: несколько штрихов к портрету Г.В. Залевского

Статья посвящена юбилею Генриха Владиславовича Залевского, доктора психологических наук, профессора, члена-корреспондента РАО. Составлена из описания научного вклада и интервью с юбиляром. Отмечаются основные направления исследований, научные интересы, публикации, этапы творческой биографии. В интервью обсуждаются актуальные вопросы истории и методологии психологии, проблемы психологического образования и тенденций научного взаимодействия. Указывается необходимость более ответственного и активного сохранения специфики психологических методов в контексте тенденций к междисциплинарности и интеграции научных отраслей.

Ключевые слова: *психология; психопатология; фиксированные формы поведения; история психологии; методология; кризис.*

1 января 2018 года исполнилось 80 лет Г.В. Залевскому. Генрих Владиславович Залевский – известный отечественный ученый-психолог, организатор науки, педагог, преподаватель, главный редактор авторитетного журнала, председатель диссертационных советов. Г.В. Залевский – член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Его труды широко известны и пользуются большой и заслуженной популярностью.

Сфера научных интересов Г.В. Залевского и, соответственно, диапазон научного вклада в психологию чрезвычайно широки и многоплановы. Возникает устойчивое впечатление, что такое количество свершений по силам крупному научному подразделению, например исследовательскому институту. Перечислим лишь некоторые направления многогранной научно-исследовательской деятельности юбиляра.

Генрих Владиславович – известный специалист в области методологии психологической науки. Его перу принадлежит знаменитая работа 1988 г., ставшая классической, написанная в соавторстве с его учителем М.С. Роговиным, посвященная теории психологического и психопатологического исследования [1]. По этой книге студенты многих психологических факультетов постигали премудрости методологии психологии, фрагменты ее разошлись по психологическим хрестоматиям. Методологические изыскания были продолжены Г.В. Залевским в его замечательных работах, посвященных проблемам понимания и объяснения – важнейших феноменов психологической науки, исследовать которые отваживаются

лишь немногие ученые. Внимание к изучению этих вопросов было привлечено работами М.С. Роговина, ученик выступает достойным продолжателем дела своего учителя. В недавних работах, включенных в первый том «Избранных сочинений», Г.В. Залевский фактически выходит за рамки традиционной методологии, он пишет труды по философии психологии – той области знания, которая остро необходима, но еще только складывается в нашей стране. Как можно видеть, Г.В. Залевский – один из пионеров в разработке этой области психологического знания.

Другая ипостась научного творчества Генриха Владиславовича – история психологии. Здесь требуются определенные комментарии. История психологии – очень коварная научная область, требующая от пишущего досконального знания. Иначе очень легко перейти к оперированию «ярлыками», штампами, клише, которые упрощают и искажают историческую картину исследования многомерного психического, делая ее плоской и карикатурной. Впрочем, приведем одну цитату из произведения юбиляра: «Многие молодые стажеры и аспиранты очень стремились попасть к Михаилу Семеновичу в аспиранты, но из того их поколения я ему приглянулся, наверное, еще и потому, что я тоже владел на то время немецким и английским языками, а это было несомненным моим преимуществом в плане возможности узнать мировую психологию, так сказать, из первых уст, из знакомства с оригиналами психологической классики и современной зарубежной психологической литературы» [2. С. 35]. Именно это сочетание знания языков и широчайшей эрудиции автора, стремления «узнать из первых уст, из знакомства с оригиналами психологической классики и современной зарубежной психологической литературы» и научной скрупулезности делает историко-психологические изыскания Г.В. Залевского столь притягательными и значимыми. Отметим, что, как ни удивительно, по истории клинической психологии очень мало работ, и в этой области Г.В. Залевский является пионером-первопроходцем.

Только очень эрудированный и подготовленный человек может выступать автором многоязычных психологических словарей. Интеграция – несомненная ценность в современной психологии, Г.В. Залевский, с моей точки зрения, является ярким представителем идеи интегративности в современной психологии.

Конечно, центральное звено научного творчества Г.В. Залевского – это различные аспекты клинической психологии. Он признанный лидер, автор широко известных и популярных теорий бихевиорально-когнитивной терапии, фиксированных форм поведения в норме и патологии, теории супервизорства в психотерапии, работ по психогигиене и т.д.

Кажется, нет такой сферы в психологии, где бы мы не нашли следов активной деятельности нашего юбиляра. Скажем только, что им разработана знаменитая методика, широко применяющаяся в психологических исследованиях, – Томский опросник ригидности Залевского.

Не будем здесь перечислять все научные достижения. Достаточно ознакомиться с оглавлением «Избранных сочинений» в шести томах, что-

бы понять, что предшествующие годы были очень продуктивными [2]. Заметим, что шесть томов далеко не исчерпывают всех научных трудов Генриха Владиславовича.

Вспомним и о том, что Г.В. Залевский является крупным организатором науки. За годы работы в Иркутске, Тернополе, Томске Г.В. Залевским и при его непосредственном участии было создано немало различных научных структур. Для примера приведем справку по Томскому периоду деятельности Г.В. Залевского. В декабре 1982 г. по рекомендации академика А.В. Снежневского и по приглашению Томского научного Центра СО АМН СССР Генрих Владиславович переехал в Томск, где организовал и возглавил лабораторию медицинской психологии НИИ психического здоровья СО ТНЦ АМН СССР (с 1991 г. – РАМН). С февраля 1993 г. – директор Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО. Одновременно по совместительству заведующий кафедрой общей и прикладной психологии Томского государственного педагогического университета. С 1 сентября 1999 г. – профессор, с 15 декабря – заведующий кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета. В Томском государственном университете был открыт диссертационный совет по психологии под председательством Генриха Владиславовича, он был основателем и является бессменным главным редактором «Сибирского психологического журнала», одного из лучших психологических изданий в нашей стране.

Отметим, что Генрих Владиславович – участник многих Международных научных форумов, в том числе и Международных психологических конгрессов, что позволяет ему объективно судить о тенденциях и перспективах развития психологии. Будучи участником форумов и конференций, он объехал полмира: мало кто может себе так ясно представить, что является собой современная мировая психологическая наука, не по чужим описаниям, а по собственным оценкам и выводам.

Нельзя не сказать о том, что для творческой биографии Генриха Владиславовича характерны, как он сам отмечает, «зигзаги жизни». Будучи признанным лидером сибирской школы, он, совершив очередной зигзаг, оказался на Балтике, в Калининграде, где ныне – профессор Балтийского федерального университета. Г.В. Залевский развернул свойственную ему кипучую деятельность: теперь и в Калининграде с неизменным успехом проводятся ежегодные научные конференции. Заметим при этом, что сибирские «нагрузки» остались за Генрихом Владиславовичем – он по-прежнему член диссертационного совета в Томске и главный редактор знаменитого журнала.

Генрих Владиславович создал школу, является научным руководителем, давшим старт в большую науку десяткам своих учеников.

Не могу не отметить еще один яркий талант нашего юбиляра – его литературный дар. Он легко и понятно пишет. Он автор пронзительных воспоминаний о своей жизни. Известно, что многим великим не удавалось преодолеть искушение, состоящее в том, чтобы совсем немного приукра-

суть, чуть-чуть «поправить» действительность. Залевскому это удается. Он пишет «как есть», приводя зачастую не самые приятные для себя факты. Это роднит его с З. Фрейдом, который был безжалостен к себе и во имя точности анализа не жертвовал истиной. И это дает основание заключить, что Генрих Владиславович – действительно настоящий психолог, для которого главное – истина.

Г.В. Залевский, конечно, по его собственному определению, человек иррический. Прочитируем одну его работу: «Согласно метафоре, предложенной нами... сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в движении в указанных выше мирах или пространствах и во времени от иррического (земного, телесного) к нэтическому (духовному, ценностно-смысловому): человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, интеллектуальным, нравственным ценностям, любви, самопознанию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно. Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над иррическим, устремляясь к нэтическому, и фактом ее возвращения назад к иррическому, с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета. Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возрождалась в нем после того, как он дотрагивался до земли» [3].

Но – мы уже говорили об этом – Г.В. Залевский настоящий психолог. Он любит и ценит психологическую науку, переживает за ее судьбу, способствуя ее дальнейшему развитию. Он искренне верит в большое и светлое будущее психологии. Он любит не себя в психологии, а психологию в себе – об этом свидетельствуют его мемуары, искренние и честные.

Как сказано – мудро и точно – самим Генрихом Владиславовичем, «мои психологические труды и жизнь (автобиография) моя, конечно, различаются, это разные жанры, но все же не стоит их разъединять. Я, конечно, не родился в семье профессиональных психологов и, тем более, не родился психологом, но, видимо, все в моей жизни так складывалось, чтобы обязательно стал психологом» [2. Т. 6. С. 5].

И Генрих Владиславович стал психологом. Настоящим. Которого любит и которым гордится вся страна.

Конечно, Г.В. Залевский замечательный человек: открытый, добрый, порядочный, оптимистичный. И замечательный друг...

Пожелаем Генриху Владиславовичу доброго здоровья, долгих лет жизни, понимания и позитивных эмоций.

И удачи!

Из приведенных в этой краткой статье сведений понятно, что было бы непростительной ошибкой и досадным упущением, если бы мы не попросили ответить мудрого и знающего человека на некоторые вопросы, касающиеся современной психологии. Не подлежит сомнению, что ответы Генриха Владиславовича Залевского на заданные вопросы будут интересны читателям Сибирского психологического журнала.

ИНТЕРВЬЮ С Г.В. ЗАЛЕВСКИМ

О доблестях, о подвигах, о славе...

Провел *В.А. Мазил*ов

Накопленный человеческий и профессиональный опыт, широчайшая эрудиция, знание языков, почти весь мир, увиденный собственными глазами, мастерство рассказчика, прекрасный юмор – такой «букет» качеств делает профессора Генриха Владиславовича Залевского настоящей «мечтой» интервьюера. Из множества вопросов, которые хотелось задать, пришлось выбрать лишь несколько. Остальные оставим для продолжения разговора, которое наверняка последует.

1. Вопрос: Английская пословица, которую, кстати, очень любил наш общий учитель М.С. Роговин, гласит, что «костюму столько лет, на сколько он выглядит». Совершенно ясно, что Ваш в полном порядке, выглядите Вы прекрасно, а Вашей энергии и продуктивности могут позавидовать и люди куда моложе Вас. В чем причина? Жизненная закалка? Спортивное прошлое? Правильный образ жизни и мыслей?

Ответ: Если кратко – этот феномен имеет мультифакторную природу, и прежде всего, конечно, – это жизненная закалка и спортивное прошлое. Что же касается правильного образа жизни и мыслей, то с этим сложнее и значительно позднее, где-то уже после 30, когда я вплотную занялся психологией. А психологию я начал изучать еще в школе (кстати, как и логику) в начале 50-х годов прошлого столетия, но, разумеется, и не думал, что когда-то стану психологом. После школьного знакомства с психологией прошло немало лет – к психологии я вернулся в 1967 г. А в этом длительном временном промежутке начались «мои университеты», я познавал жизнь в разнообразных ее формах: в Киеве разнорабочим на авиазаводе, где начали строить знаменитые «Антей» (1955); в родном городке Баре (Винницкая область) на сахарном заводе кочегаром-водокатом (1956); в Донецке (тогда Сталино) на шахте – подземным электрослесарем (1957–1958); в Кременчуге (на другом берегу Днепра город Крюков – родина А.С. Макаренко, но об этом я узнал значительно позже), а затем в Группе советских войск в ГДР – в ракетной части, охраняющей воздушный коридор Западная Германия–Западный Берлин – старшиной батареи; досрочно отпущен из армии как отличник боевой и политической подготовки для поступления в вуз (1958–1961); студент (великовозрастный – после школы прошло 6 лет) Иркутского госпединститута иностранных языков им. Хо Ши Мина (1961–1966); ассистент кафедры педагогики и психологии этого же института; военная переподготовка в ВДВ – пришлось научиться прыгать с парашютом (1966); наконец, вплотную психология – двухгодичная стажировка по психологии, а затем и аспирантура в Москве на кафедре психологии МГПИ им. В.И. Ленина, заведовал которой ученик автора

школьного учебника по психологии В.М. Экземплярского профессор А.В. Петровский (1967–1971). Вот такую жизненную закалку я получил – на земле, под землей и в небе. На подлодках приходилось бывать в Севастополе и во Владивостоке, но плавать на глубинах морей и океанов не приходилось. Что касается спортивного прошлого, то я всегда охотно занимался физкультурой и спортом. Когда-то был чемпионом пионерской дружины школы по гимнастике, членом волейбольной команды школы, несмотря на малый рост, особенно спортивным был в армии, затем в студенческие годы – заядлым туристом, принял участие в составе тургруппы института в историко-спортивном пеше-лыжном переходе от Байкала до Урала на лыжах, а затем пешком – по маршруту Северный Кавказ–Крым–Украина–Белоруссия по следам боевой славы Иркутско-Пинской дивизии (февраль–май 1967 г.). Все последующие годы своей жизни я веду, конечно, активный образ жизни в физическом (в том числе и спортивном) и в интеллектуальном плане, что и определяет тот самый «правильный образ жизни и мысли», о котором Вы спрашивали. Если, конечно, еще учесть отсутствие склонности к известным злоупотреблениям.

2. Вопрос: Расскажите, пожалуйста, как Вам пришла идея исследования ригидности как фиксированной формы поведения? Где корни этой удивительно перспективной программы?

Ответ: Это, как говорится, дела давно минувших дней (лет). Но к ригидности я пришел через персеверации. Я первоначально собирался писать кандидатскую диссертацию по психолингвистике, для чего познакомился с заведующим кафедрой психологии Московского института иностранных языков профессором В.А. Артемовым, ходил к нему на семинары, поскольку меня заинтересовали персеверации в речевой деятельности личности в контексте индивидуальных особенностей и нарушения здоровья. Этот мой интерес к психологии языка и речи одобрял и мой будущий научный руководитель, когда вопрос о научном руководстве был далеко еще не решен. Но с Артемовым продолжить не удалось, поскольку это был уже другой институт и в связи с этим всякие формальные трудности. Но мое все увеличивающееся знакомство с соответствующей литературой, зарубежной – немецко- и англоязычной – особенно, привлекло внимание к встречавшемуся в ней термину-понятию «ригидность», выходящему далеко за пределы речевой характеристики личности. Понятие ригидности меня серьезно заинтересовало, и я начал, как говорится, «рыть». Набрел на фундаментальный труд по психической ригидности американских психологов Лачинзов. До понятия «фиксированные формы поведения» тогда было еще очень далеко. Для увязки психической ригидности и фиксированных форм поведения потребовалось не менее двух лет. Расширяя знакомство с проблемой ригидности, заглянул к иностранцам – Пьеру Жане с его понятием «Fixe idee» («Идея фикс»), Зигмунду Фрейду с его понятием «Fixierung» (фиксирование, фиксация), а затем познакомился основательно и с трудами Д.Н. Узнадзе и понятием «фиксированная установка». Это были три источ-

ника, благодаря которым я пришел к понятию фиксированных форм поведения, обобщив в его содержании ригидные, персеверативные, стереотипные формы поведения в норме, особенно сильно проявляющие себя по интенсивности и по спектру при психической патологии и по мере ее нарастания.

Да, в 1970 г. вышли три большие статьи в Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова в соавторстве с М.С. Роговиным, где этот термин был, так сказать, введен в профессиональный словарь: «Значение фиксированных форм поведения для психиатрической и невропатологической клиники» (№ 8, 10, 11), а в 1976 г. вышла монография «Фиксированные формы поведения» (Восточно-Сибирское изд-во, Иркутск). И Вы правы, эта тема, или программа, оказалась действительно перспективной, поскольку это тема о наличии или отсутствии у человека ресурсов к изменению, если того требуют обстоятельства, а они очень часто этого требуют – ведь мы живем в постоянно изменяющемся микро- и макромире!

3. Вопрос: Я знаю, что Вы присутствовали на защите докторской диссертации М.С. Роговина, нашего общего учителя, в мае 1968 г. Если можно, расскажите о Ваших впечатлениях. Как Вы тогда воспринимали Михаила Семеновича? Изменилось ли Ваше восприятие спустя годы? В наступающем году исполнится четверть века, как он ушел из жизни.

Ответ: Да, действительно, мне посчастливилось присутствовать на защите докторской диссертации Михаила Семеновича. Даже сохранилась фотография с этого события. Стажеры, аспиранты кафедры, и я в том числе, очень хотели побывать на этой защите. Дело в том, что, хотя к тому времени Михаил Семенович еще не был доктором наук, профессором, но, тем не менее, пользовался уважением более, чем некоторые немногочисленные профессора кафедры. Многие из нас – стажеров – хотели попасть именно к нему в аспирантуру, под его научное начало. Но, во-первых, он как бы не имел еще формального права брать аспирантов, а потому я формально числился в дальнейшем аспирантом профессора Николая Федоровича Добрынина, одного из классиков советской психологии, специалиста в области психологии внимания, а во-вторых, мне повезло, поскольку Михаил Семенович дал согласие быть только у меня неформальным научным руководителем. Ну а на защите – восхищение глубиной и уверенностью. Усиливалось это впечатление присутствием и выступлениями в поддержку таких корифеев советской философии и психологии, как профессор-философ А.С. Спиркин, по учебнику которого мы учили философию в институте, профессора психологии В.М. Коган, В.М. Лубовский и др. Это впечатление только укрепилось в дальнейшем после частого общения, конечно, прежде всего научного, консультаций по диссертационной работе, подготовки совместных публикаций, о которых я выше уже говорил и других, при общении в домашних условиях, так как Михаил Семенович приглашал к себе домой, где я познакомился с его женой, милейшим человеком Александрой Александровной. Мы в конечном итоге стали дружить

семьями. Да, рано ушел от нас Михаил Семенович, очень рано и неожиданно.

4. Вопрос: Не могу удержаться, чтобы не спросить. Ваш пешеходный переход от Иркутска до Урала. Трудно представить, что такое расстояние можно пройти на лыжах. Как это было?

Ответ: Оказалось, что можно. Но вначале мы пешком и на лыжах обхаживали Байкал, тренировались довольно долго, поскольку, во-первых, захотелось совершить что-то особенное – ведь все мы, туристы институтские, были молодые, горячие ребята и девчата, а во-вторых, 60-е годы – время хождений по местам боевой и трудовой славы прежних поколений. И мы заразились этой идеей: а не пройти ли нам по местам боевой славы Иркутско-Пинской дивизии. Нас поддержали и финансировали Иркутский обком комсомола, газеты «Комсомольская правда» и «Советская молодежь». И мы – 7 студентов, один молодой ассистент кафедры педагогики и психологии в моем лице, под руководством преподавателя кафедры физкультуры института Владимира Михайловича Бялоуса – поскользили. Шли вдоль железной дороги, чтобы не сбиться с маршрута, хотя однажды во время ночного пробега в честь 23 февраля – Дня Советской Армии – все-таки сбились с правильного пути, и пришлось делать хороший крюк при минимальных физических возможностях, поскольку силы отдали на пробег. Это вряд ли возможно забыть, хотя я лично никогда не забуду первую неделю перехода – очень с большим трудом она мне далась. Но потом пошел все легче. Конечно, мы делали привалы; поскольку это был спортивно-исторический переход, то мы заходили по пути в разные города, поселки и села, чтобы встретиться с ветеранами Иркутско-Пинской дивизии, с теми, кто служил в ней или что-то о ней знал. В апреле на Урале в районе Кунгура (Кунгурских пещер) снег начал налипать на лыжи, а потому пришлось их снять и дальше идти пешим ходом. По пути мы зашли в Томск, свернув от станции Тайга, проскользили около 70 км по замечательной таежной снежной дороге. В Томске встречались со студентами, и я тогда и подумать не мог, что через 15 лет окажусь жителем Томска на долгие 30 лет.

5. Вопрос: Вы владеете иностранными языками, читаете, автор многоязычных психологических словарей. Как обстоит дело с методологией за рубежом? В чем отличие отечественной и зарубежной методологии?

Ответ: Я так к этому сильно не приглядывался, но у меня, тем не менее, создалось впечатление, что в научных исследованиях более заметен методический акцент, более жесткие требования к дизайну. Как выразился один мой коллега – немецкий психолог, когда я с ним обсуждал этот вопрос, – «мы прагматики и в психологическом исследовании, и в психологической практике».

6. Вопрос: Как соотносятся философия психологии и методология?

Ответ: Я думаю, что следует различать философию науки и философию научного исследования. В последнем значении философия психологии представляет только один из аспектов методологии научного психологического исследования и психологической практики, является, так сказать, базовым основанием «методологической пирамиды».

7. Вопрос: Ваше отношение к системному подходу?

Ответ: Положительно, но только в том смысле, что это один из принципов психологического исследования, только одно из возможных средств познания психики или любого другого психологического феномена. Не более того. Я согласен с мнением В.П. Зинченко, что вредно для психологии абсолютизировать любой принцип, в том числе и системный. Еще Л.С. Выготский тоже выступал против «нанизывания психологии на одну какую-либо категорию». Известно, что создатель общей теории систем Людвиг фон Берталанфи считал, что «все вокруг человека система, да и сам человек тоже». Интересно, что еще в конце XIX в. Клод Бернар писал, что систем в реальной действительности нет, они в головах человека. Более того, те же В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили довольно жестко высказались по поводу системного подхода, считая его тяжелым наследием, доставшимся от советской психологии, и вообще, «там, где система, там смерть». Я думаю, что они это говорили о случаях абсолютизации этого подхода. Одним из таких случаев абсолютизации является считать человека «системой» или даже «открытой системой», а антропологическую психологию – «системной». Радикальные сторонники системного подхода, на мой взгляд, проходят мимо того очевидного факта, что «открытые системы» (индивидуальные и групповые) при определенных условиях «закрываются», например при психических расстройствах, при авторитарных семейных отношениях («моя семья – моя крепость»), аддикциях, идеологизированных и диктаторских режимах, и даже практически здоровые люди, но по типу «го-тально ригидные», первым сигналом чего являются проявляемые ими фиксированные формы поведения, разрушаются в конце концов, как, например, разрушились известные в истории государства-империи.

8. Вопрос: Нужна ли в психологии интеграция?

Ответ: В данном случае, прежде всего, следует договориться, что и как мы понимаем под интеграцией. Интеграцию ведь можно понимать как в известном революционном лозунге, который мне больше нравится на украинском языке: «Пролетари усіх країн до купи єть!»), т.е. «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Такой интеграции психологии не надо. Методологию психологии, как, впрочем, любой гуманитарной науки, при реализации конкретного исследовательского проекта можно себе представить в виде пирамиды – методологической пирамиды. И интеграция вполне возможна и, скорее всего, необходима, на нижних этажах пирамиды: это философия психологии, антропологическая позиция (антропологиче-

ческая психология), целостно-ценностная парадигма, т.е. понимание человека как биопсихосоциоэтическое образование, например. Но чем выше взбираемся по методологической пирамиде, тем сильнее может и, видимо, должна быть выражена методологическая плюралистичность, а на самом пике пирамиды должно находиться то, что я называю «методологией моего дела / научного проекта», а не так, вагон и маленькая тележка списка фамилий и трудов. И плюралистичность в данный момент достигает максимума, поскольку количество «индивидуальных методологий» может быть эквивалентно количеству исследователей. Но максимальной должна быть внутренняя интегрированность, согласованность этой индивидуальной методологии.

9. Вопрос: Существует ли кризис в психологии?

Ответ: Кризис, именно конструктивный кризис – это постоянное состояние любой развивающейся науки и практики. Психология не составляет исключения. Ее конструктивный кризис начался с момента появления первых признаков ее как науки в конце XIX – начале XX в., когда речь шла о появлении «семи психологий». Кризис был, когда психология становилась только «ассоцианисткой», затем «бихевиористской / бихевиоральной», «психоанализом», «деятельностной», когда стала «системной» или становится «нейрокогнитивной», т.е. когда, как мы уже в Вами говорили, она нанизывалась или нанизывается на одну какую-либо категорию в силу разных причин – прагматических, идеологических и др. В течение XX столетия много раз поднимался вопрос о методологическом / методическом кризисе психологии, о необходимости уйти от «методического монизма». Эта тема благополучно перевалила через границу столетий и остается острейшим предметом дискуссии и в веке двадцать первом. Сегодня, как отмечают многие психологи, имеются признаки нового-старого методического / методологического кризиса психологии. Но попытки разрешения этого кризиса, на наш взгляд, принимают даже не радикальный, но экстремистский характер. Предпринимаются попытки уйти от естественнонаучного методологического монизма, предав его анафеме, к монизму гуманитарно-научному. Имеет место нередко этакая претензия на монополию «незамутненного взгляда», на порождение «новой парадигмы и революцию в психологии». Так и хочется сказать, господа, «тщательнее» читайте не только своих кумиров и себя, любимых, но и «проблемную историю психологии». А.А. Ухтомский, исходя из учения о доминанте, в этой связи писал, что в подобных случаях «действительность усекается ради прекрасных глаз собственной теории». К. Ясперс тоже обращал внимание на проблему предрассудков, в том числе философских, теоретических и др., которые «отягощают и парализуют нашу мысль». История науки, в том числе и психологической, знает множество примеров проявления учеными предрассудков, догматизма и многих других «фиксированных форм поведения». На 65-летнем юбилее Американского психологического общества в 1957 г. Ли Кронбах в своей президентской речи обратился к психологам с призывом покончить со «схизисом» между экспериментальными и корре-

лятивными направлениями интеграцией. Джон Коэн на Международном психологическом конгрессе в Бонне в 1961 г. доктринерскую исключительность в методических вопросах обозначил как «циклопную, одноглазую психологию». Годом раньше, при своем основании, Ассоциация экзистенциальной психологии и психиатрии объявила, что хотела бы видеть в одном ранге экзистенциальный подход (Мэй), экзистенциальную тенденцию (Роджерс), позицию дисциплированной наивности (Маклеод) с лабораторным исследованием, объективной тенденцией, методом условных рефлексов. В 1962 г. отделение философской психологии Американского психологического общества в результате дискуссии о бихевиоризме и феноменологии пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве комплементарной базы современной психологии». Следствием такой методической / методологической толерантности является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений. Это мысли, остающиеся актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перенапряжения позитивизмом», «усталости от рационализма». Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шли острые дискуссии в последнее время на 3-м Съезде психологов России и на всемирных и европейских конгрессах, в которых я принимал и не принимал участия.

10. Вопрос: Существует ли в реальности душа? Почему так сложно определить конкретное содержание души, психики как предмета психологической науки, несмотря на обилие психологической литературы?

Ответ: Мне кажется, что да, но если только не пытаться точно определить, где она находится, привязывать ее то к мозгу, то к сердцу, то к желудку, то к языку, то к области «ниже пояса», то в виде особой «пыли» на окружающей нас действительности. Душа – она везде, во всем том, что мы оставляем после себя, а психика есть свойство живого организма – это его *Erleben und Verhalten*, она умирает вместе со смертью этого организма. Психологическая литература – это душа в поисках самой себя. Когда Иммануил Кант, собираясь серьезно заняться антропологией с прагматической точки зрения, планировал решить 4 задачи, ответить на 4 вопроса, то один из них был: *Wer ist der Mensch?* Кто есть человек? Это фактически и вопрос о том, что такое душа, на мой взгляд. Канту, к сожалению, не удалось ответить на этот вопрос, но зато он стимулировал этим движение «философии без человека» к «философии с человеком», т.е. фактически к психологии человека.

11. Вопрос: Как современное интенсивное развитие информационных технологий повлияет на понимание души, психики как предмета психологии?

Ответ: Виктор Франкл, создатель логотерапии – третьей венской школы психотерапии, писал: «Мы изучили человека так, как его, вероятно,

не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто оно. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти газовые камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах». Как-то не хочется согласиться с Франклом относительно того, что мы очень изучили и знаем человека уже в XX в. Точно, что мы о человеке знаем, так это то, что писал о нем известный дагестанский поэт Расул Гамзатов: «Человек словно в зеркале миг, он ничтожен и в то же время велик». Расходятся в понимании человека классический психоанализ Фрейда и неопсихоанализ Фромма, человек находится между двумя «Ф», т.е. он не столь плох, как считал Фрейд, но и не столь хорош, как полагал Фромм. Я думаю, что если информационные технологии будут направлены не на душу, а на человека как целостно-ценностное образование, о чем мы говорили выше, то можно ожидать определенного прогресса психологии. Но надо не забывать, что прогресс в области информационных технологий может оказывать и негативное влияние на психологию человека – его культуру и здоровье, ведь, к сожалению, становится все заметнее нарастающий сдвиг между культурой и цивилизацией (технологией).

12. Вопрос: Какие наиболее существенные черты будут свойственны психологии будущего?

Ответ: Это вопрос прогноза или пожелания? С пожеланиями легче, чем с прогнозом. Александр Григорьевич Асмолов в своем выступлении на последнем Казанском съезде психологов вообще высказал сомнение относительно будущего психологии – «а есть ли вообще в психологии будущее в бесчеловечную, цифровую эпоху?» Некоторые из тех, кто слушал Александра Григорьевича непосредственно, посчитали его в духе «декаданса, который в нашей стране неистребим». Более того, посчитали, что большая часть его речи – это ретро-экскурс во времена Лурии и Выготского, стариковские сентенции и идеологические лозунги, как пример профдеформации психолога. Мне бы не хотелось создать у читателя такое же впечатление – «стариковских сентенций». Но те же критики уловили в выступлении А.Г. Асмолова и некоторые указания на возможные существенные черты будущей психологии, с некоторыми из которых я согласен:

– психологическая наука должна развиваться не по отраслям, а по проблемам;

– нужно признать, что существует (или должна существовать) не одна психология, а множество психологий;

– психику нельзя редуцировать до мозга;

– одна из проблем современной психологии – это догмат метода.

С пунктами первым и четвертым следует, несомненно, согласиться. Что касается пункта второго, то, даже если сегодня есть «много психологий», то это вряд ли хорошо для психологии сейчас, а тем более в ее будущем. Я склоняюсь к тому мнению, что психология должна быть одна, одна общая психология, но состоящая из двух автономных областей: общей ан-

тропологической психологии и зоологической психологии – психологии человека и психологии животных. Все остальные «психологии» – это лишь разделы, сферы, частные области этих двух психологий. Много психологий – это хаос. Что же касается «догмата метода», то действительно он имеет место в настоящем и его не должно быть в будущем. Это вопрос методологии психологии. И я считаю, что психология будущего должна быть свободна от этого догмата, от методологического экстремизма, от «циклопной психологии», должна доминировать «толерантная коммуникативность», о чем пишите Вы, Владимир Александрович, и говорил в своем докладе Асмолов.

13. Вопрос: Возможно ли в XXI в. появление направлений, подходов, школ, равных по силе влияния на развитие психологии психоанализа, бихевиоризма, гештальтпсихологии, гуманистической, когнитивной психологии?

Ответ: Думаю, что XXI в. будет «отдыхать» в этом смысле, больше будет дискуссий о достигнутом, о трудностях и проблемах, в том числе тех, о которых мы говорили выше. И прогресс технологический-методический вплотную приблизит психологию к новым открытиям, подходам, но уже в веке двадцать втором.

14. Вопрос: Какова судьба массового психологического образования в России?

Ответ: На сегодняшний день тенденция, наметившаяся в последнее десятилетие XX в. и начале века XXI, массового психологического образования – государственного и особенно негосударственного, которая как будто оправдывала прогноз Алексея Николаевича Леонтьева, что профессия психолога будет самой востребованной в XXI в., и вообще XXI в. – это век психологии, похоже, начала оправдываться, но скоро наступило разочарование. Не более 20% выпускников психологических факультетов устраиваются по специальности, зарплата психологов в клиниках и школах удручающе низкая. При этом введение бакалавриата еще более ухудшило положение психологов – кому нужны фактически психологи-недоучки. А поле востребованности в специалистах психологах заполняется еще более недоучившимися – прошедшими разного рода кратковременные психологические курсы. Особенно сильно от этого страдает общее образование, школа.

15. Вопрос: Несмотря на то, что разные, прямо противоположные мнения всегда должны оставаться, будет ли когда-то четко, строго однозначно определено понимание психики, сознания, личности, творчества, деятельности и прочих категорий в психологии?

Ответ: Надеюсь, что да. Хотя мы сегодня нередко в познании указанных выше категорий и совершаем движения к «неизвестному от неизвестного через неизвестное».

16. Вопрос: Насколько психология в России в XXI в. соответствует тематике, проблематике международных психологических конгрессов, например: 2012 г., 30-й Конгресс, ЮАР, Кейптаун, тема «Psychology. Serving Humanity»; 2016 г., 31-й Конгресс, Япония, Йокогама, тема «Diversity in Harmony: Insights from Psychology»?

Ответ: Довольно трудно ответить на этот вопрос, здесь необходима аналитика, которой никто не занимается. Пока и сегодня имеет место различие в том, что международные психологические форумы, конгрессы имеют все более выраженную тенденцию организовываться по проблемному принципу, в то время как внутрироссийские – все еще по отраслевому принципу. Так, последний 6-й Съезд психологов России, который состоялся в начале октября 2017 г., был, во-первых, без указания на стратегию съезда, так сказать, «без головы», а во-вторых, организован, скорее, опять же по отраслевому принципу.

17. Вопрос: Какие условия должны быть соблюдены для сохранения самостоятельности психологии как науки в условиях интенсивного развития нейронаук?

Ответ: Если кратко, то, во-первых, сотрудничать на равных и, во-вторых, не позволять говорить за психологов, вместо психологов не психологам – лингвистам (психолингвистам), физиологам (достаточно, что И.П. Павлов это делал) и т.д., да и самим не плошать.

18. Вопрос: Нужны ли России психологи?

Ответ: Да, разумеется, нужны, но высоко квалифицированные, которых готовят высоко квалифицированные педагоги с наличием соответствующей базы в уважающих психологию и психологов университетах. Таковым можно считать ТГУ, но не является, к сожалению, таковым БФУ им. И. Канта. И таковыми они могут стать, если их совсем не легкий труд будет достойно оцениваться, не так, как в настоящее время.

19. Вопрос: Насколько обязательно психологии иметь собственный «язык» по аналогии с языком математики, физики? Что вообще такое «язык психологии»?

Ответ: Да, разумеется, каждая наука должна обладать своим профессиональным языком. Психологии это труднее дается, поскольку ее «язык» «человеческий», на котором говорит обычный человек. Но вопрос в том, чтобы этот язык наполнялся научным содержанием, тем самым по существенным признакам отличался от языка обычного.

20. Вопрос: Понимание и объяснение. Каково их соотношение в современной психологии?

Ответ: Для ответа на этот вопрос я сошлюсь на Лювига Понграца, автора интересной и своеобразной «Проблемной истории психологии» («Problemgeschichte der Psychologie», 1967), который для большей нагляд-

ности предлагает следующую схему соотношения – общего и отличного – между пониманием и объяснением как методами психологии.

Объяснение	Понимание
А. Профиль различий	
<i>Исходные аспекты</i>	
1. Гипотеза(ы)	1. Нечто данное / случай / событие (переживание и поведение)
2. Части (элементы)	2. Целое (структурные связи)
<i>(Образ) действия</i>	
3. Конструктивный, синтетический (психические образования и взаимосвязи объединяются как соединения элементов)	Раскладывающий, аналитический (из данных целостностей выделяются «составные части, звенья»)
4. Экспериментальный, количественный	Интерпретирующий, качественный
<i>Методологическая характеристика</i>	
5. Каузальная редукция (или регрессивная редукция)	Эйдологическая редукция к сущностям и идеальным типам
6. Верификация гипотез через эксперимент и статистику	Интерпретация на основании «объективностей»
7. Операциональный	Феноменологический
8. Номотетический	Идеографический
<i>Цель</i>	
9. Законы, статистические значения	Смысловые связи, сущности, типы
<i>Критерии</i>	
10. Прогностичность, статистически надежные подтверждающие реакции повторяемость / воспроизводимость	Очевидность, согласие специалистов, объективные данные
<i>Познавательная позиция</i>	
11. Дистанцированная «Незаинтересованный зритель»	Включенная / эnjаgированная «Понимающий свидетель»
Б. Общее	
Непосредственное, дорефлексивное понимание как корень познания. Объективные данные как основа научных выводов. Контролируемость выводов	

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учениях о душе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественнонаучной процедуры. Понграц считает, что Эббингаус своей «Репликой на идеи Дильтея» хорошими аргументами постарался защитить естественнонаучную психологию. Правда, он не все увидел, больше сосредоточившись на общем, не увидел различий. Представители же понимающей психологии уж слишком заострили внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Здоровые голоса были раньше и сейчас встречаются, которые эти подходы не абсолютно противопоставляют и не указывают, какой из них «лучше», а считают, что они, скорее всего, дополняют друг друга. За это уже был Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». Кюльпе (Вюрц-

бургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же как и В. Джемс, К. Бюлер видел в них две ступени познавательного процесса: «Интуиция – это первое, но последнее слово все же за индукцией». К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предполагает понимание, а физический мир – объяснение в терминах причинности, должна быть признана поверхностной и ложной. Любое событие – независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, – в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению... Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию». А некоторые психологи – уже наши современники, – например Виктор Владимирович Знаков, справедливо считают, что «в психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности». У меня, правда, есть очень краткий ответ на вопрос, что отличает понимание и объяснение. Понимание – это объяснение для себя, а объяснение – это понимание для других.

21. Вопрос: Что такое антропологическая психология и каковы ее перспективы?

Ответ: Антропологическая психология – это не о психике вообще, это наука и практика о человеческой психике и человеческой психологии, это, по Ф. Ницше, о «человеческом, самом человеческом – о смыслах», которые выступают вместе с ценностями интеграторами всех аспектов человеческой индивидуальности – биологического, психического, социального, формируя целостно-ценностно-смысловое образование, коим является человек. А перспективы ее значительные, если ее не будут рассматривать как антропоцентризм и не будут редуцировать до системной антропологической психологии. Почти 150 лет назад Огюст Конт удивительно точно выявил главную сложность проблемы человека, подчеркнув, что человек не только нечто большее, чем биологическое существо, он также больше, чем просто «сгусток культуры». Иными словами, человек стал носителем каких-то новых, неизвестных качеств, и поэтому нужна специальная наука для его изучения и понимания. Такой наукой, по утверждению Конта, должна была стать психология, призванная осуществить творческий синтез биологических и социологических знаний о природе человека. Несомненно, что речь идет именно об антропологической психологии.

22. Вопрос: Вы сторонник целостно-ценностной парадигмы. Чем она вас привлекает?

Ответ: Привлекает она тем, что позволяет уйти от усеченного или однобокого понимания человека, ее содержанием является биопсихосоциально-этическая модель человека, его развития и здоровья. Как известно, Фрейд говорил о том, что он, собственно, «занимается только фундамен-

том человека», Франкл – смысловой сферой человека. Правда, Ассаджиоли утверждал, что его интересует «все здание», но не остался ли этот интерес на стадии намерений в его психосинтезе?

23. Вопрос: Назовите, пожалуйста, три наиболее значимых достижения отечественной психологии в XX столетии.

Ответ: Накануне наступления XXI в. психологи всего мира так или иначе подводили итоги достижений психологии в веке уходящем. Об этом шла речь на последнем в XX в. Всемирном психологическом конгрессе, который состоялся 23–28 июня 2000 г. в Стокгольме (Швеция), в работе которого приняли участие около 6 000 психологов из 66 стран, в том числе 10 российских психологов из Москвы, Санкт-Петербурга и Томска, в числе которых посчастливилось быть и мне. Журнал «Европейский психолог» (European Psychologist) задал подобный вопрос, но о достижениях мировой психологии, более 30 известным психологам из многих стран Европы, среди которых был и представитель российской психологии Андрей Владимирович Брушлинский. Много было интересных, бесспорных и спорных ответов. Что касается отечественной психологии, то, как и можно было ожидать, достижениями посчитали «открытие И.П. Павловым обусловленных принципов, которые стали одним из шагов придания психологии статуса науки» (Жан-Поль Каверни, Франция; Жан Стреляу, Польша), «социоисторическую школу Выготского, которая способствовала привнесению «культуры» в психологию (Кигдем Кагитсибаси, Турция; Карлос Родригес, Испания). Третье достижение отечественной психологии в XX в. – теория деятельности (субъект-деятельности) С.Л. Рубинштейна и его научная школа; это мнение было высказано только российским психологом, представителем указанной школы Андреем Владимировичем Брушлинским. Мне остается только присоединиться к этой оценке достижений отечественной психологии в уже ушедшем XX в.

24. Вопрос: Почему прогресс в смежных областях (физиология, нейронауки, лингвистика, биология и т.д.) значительно больше, чем в самой психологии? Иногда создается впечатление, что прогресс в психологии – это проекция успехов, наработок смежных наук на «гуманную область» психического.

Ответ: Я считаю, во-первых, что здесь нет ничего уничижительного для психологии. Это естественный процесс междисциплинарного взаимодействия. А во-вторых, о каких особых достижениях этих смежных наук за последние десятилетия может идти речь, что такого от них «проецируется на психологию?» В-третьих, выход один – психология и психологи – побольше успехов! Все более заметными становятся успехи в практической психологии. А в-четвертых, надо не забывать, что благодаря психологии все названные выше смежные науки, благодаря ее «проекции на них», остаются «гуманными областями».

25. Вопрос: По моему мнению, мы (российские психологи в целом – и преподаватели, и студенты, и практики, и ученые) очень плохо знаем современную зарубежную психологию. Почему так происходит?

Ответ: Да, интерес к зарубежной психологии во времена советской психологии у всех Вами перечисленных психологов был куда выше, чем сейчас. Сужу по себе и моим коллегам по аспирантуре и т.д. Возможно потому, что, как говорится, «запретный плод сладок». Да, не все было так доступно, даже в знаменитой «Ленинке», а тем более на прилавках книжных магазинов. Вы знаете, я был однажды в шоке, когда в 1974 г. зашел в книжный магазин в городе Штуттгарте в Западной Германии, а это оказался магазин по продаже только психологической литературы! Сейчас ситуация с этим совершенно другая. Много переводной психологической литературы, хотя и не всегда лучшей и с лучшим качеством перевода. Но есть, доступна. Но этот общий регресс в области чтения вообще, видимо, сказывается и на уровне интереса к чтению и профессиональной литературы. А не читает преподаватель, почему должен читать студент?

26. Вопрос: Мне кажется, что классическую зарубежную психологию мы тоже знаем недостаточно. Скажем, наиболее важные работы П. Жане не переведены до сих пор. Да и Ж. Пиаже тоже, при всем пиетете... Почему?

Ответ: Ну, классики у нас вообще не в почете, причем официально. Ведь сегодня требования при подготовке кандидатской или докторской диссертации (да уже начиная с курсового и дипломного проекта и магистерской диссертации) – проработывать и ссылаться на источники последних 5–10 лет. О каких классиках – отечественных и тем более зарубежных – может идти речь! А поэтому зачем их переводить? Я тоже не перестаю удивляться этому. Переводы Жана Пиаже все-таки есть, а вот переводов трудов его учителя П. Жане – нет. Хотя он в некоторых важных вопросах психологии, клинической психологии опередил Фрейда. Известно, что Фрейд очень обиделся на Жане и не принял его, когда Жане однажды посетил Вену, потому что Жане как-то сказал, что «то, что от самого Фрейда в его теории, то не интересно, а то, что интересно, то от меня». Есть замечательная книга о споре (заочном) между Фрейдом и Жане, но она на французском и все еще не переведена, к сожалению. Лично я рад, что мои научные интересы и представления восходят корнями к Пьеру Жане.

27. Вопрос: Про историю отечественной психологии. Вы согласитесь, что с ней тоже не все благополучно? Тьма белых пятен. Почему?

Ответ: Во-первых, слабая постановка вопроса преподавания истории психологии в вузах при подготовке профессиональных психологов, непонимание, что принцип историзма – это один из обязательных базисных оснований профессионального образования наряду с принципами предметным, методологическим, этико-правовым и сегодня информационно-цифровым, во-вторых, отсутствие соответствующих кадров, и в-третьих, соответству-

ющих, видимо, могущих заинтересовать будущих психологов учебников и учебных пособий. Ну а если идет подготовка психологов по разного рода сокращенным программам, то, разумеется, не до истории психологии. В конечном итоге – отсутствие основательных историко-психологических традиций, на что в свое время повлияла идеологизация психологии в советский период ее становления, акцент на «истории советской психологии». Причем это касается и отдельных областей психологии, например клинической психологии, о чем мне приходилось писать.

28. Вопрос: У Вас талант сложные вещи объяснять доступно. Не хотели бы Вы написать историю психологии? Мне кажется, получился бы важный и полезный труд. С Вами по эрудиции и объему знаний вряд ли кто может сравниться...

Ответ: Спасибо за высокую оценку моих возможностей в этой области. Действительно, мне нравится эта область психологии, как и психологическая практика, но это дело достаточно серьезное и ответственное, да и требующее временных затрат. Конечно, если бы поступил такой заказ от серьезного издателя, возможно, я бы и решился.

29. Вопрос: Когда-то давно, лет 15 назад, Вы задали себе вопрос, на который сами и ответили. Речь шла о пожеланиях психологии и психологам. Какие три пожелания Вы бы сделали сегодня?

Ответ: Если речь идет о человеке, а не о дельфинах и китах, которые, по мнению некоторых известных психологов, обладают самосознанием, то, во-первых, хотел бы, чтобы психология стала антропологической, а то она сейчас – общая психология, во-вторых, чтобы не была «академической», а фундаментальной, побольше хороших теорий, которые являлись бы лучшей практикой, в-третьих, чтобы становилась в организационном плане мощно и эффективно функционирующей, отстаивающей свое достоинство и права, в том числе и экономические (позорные зарплаты сегодня у психологов, особенно вне Москвы). Подобные пожелания к психологии XXI в. были высказаны и европейскими психологами, опрошенными журналом «Европейский психолог», о чем писал в одном из выпусков и Сибирский психологический журнал.

А в завершение нашей беседы я хотел бы поздравить наших читателей, коллектив редакции журнала с наступившим новым 2018 годом, пожелать по всей мною предлагаемой вертикали – биопсихосоциоэтической – крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов, роста имиджа Сибирскому психологическому журналу!

Спасибо!

30. Дорогой Генрих Владиславович! Огромное спасибо за Ваши ответы. Позвольте поздравить Вас еще раз с замечательным юбилеем. Здоровья и удачи!

Литература

1. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988. 288 с.
2. Залевский Г.В. Избранные труды : в 6 т. Томск : Том. гос. ун-т, 2013.
3. Залевский Г.В. Антропос – «человек, устремленный ввысь» (целостно-ценностная парадигма в контексте антропологической психологии) // Медицинская психология в России. 2013. № 1 (18). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 10.12.2017).

Сведения об авторах:

МАЗИЛОВ Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета (Ярославль, Россия). E-mail: v.mazilov@yspu.org

Поступила в редакцию 10.01.2018 г.; принята 25.01.2018 г.

GENUINE PSYCHOLOGIST: A FEW ACCENTS TO THE PORTRAIT OF G.V. ZALEVSKY

Siberian journal of psychology, 2018, 67, 7–26. DOI: 10.17223/17267080/67/2

Mazilov Vladimir A., Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: v.mazilov@yspu.org

Keywords: psychology; psychopathology; fixed forms of behavior; history of psychology; methodology; crisis.

The main scientific interests of G.V. Zalevsky are: methodology of psychology; theory of psychological and psychopathological research; problems of understanding and explanation; philosophy of psychology; history of psychology, in particular history of clinical psychology; organization of scientific institutes, journals, and events.

In the interviews the following topics are presented: history of the research program studying fixed forms of behavior, that is mental rigidity; review of the tendency of making methodological principles absolute, in particular, the principle of system. The relevance of integration for the “lower levels of the methodological pyramid”, and the methodological pluralism for the “upper levels”, in particular for the author’s research project. In discussions of the issue of the methodological crisis in psychology there is a dangerous tendency to extremist resolution of it, and therefore it is suggested that the crises are viewed as normal. It is also suggested that it is necessary to specify the crisis in the light of continuity and renewal of reality at each historical stage. The author put forward the pragmatic principle of dualism and the complementarity of understanding and explanation in the context of solving the issues of the “plurality of psychologies” and the perspectives for further development of psychology.

References

1. Rogovin, M.S. & Zalevskiy, G.V. (1988) *Teoreticheskie osnovy psikhologicheskogo i psikhopatologicheskogo issledovaniya* [Theoretical bases of psychological and psychopathological research]. Tomsk: USSR Academy of Medical Sciences.
2. Zalevskiy, G.V. (2013) *Izbrannye trudy: v 6 t.* [Selected Works: in 6 vols]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Zalevskiy, G.V. (2013) Антропос – “chelovek, ustremlennyy vvyсь” (tselostno-tsennostnaya paradigma v kontekste antropologicheskoy psikhologii) [Anthropos – “a man who aspires to the sky” (an integral axiological paradigm in the context of anthropological psychology)]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 1(18). [Online] Available from: <http://medpsy.ru>. (Accessed: 10th December 2017).

Received 10.01.2018;

Accepted 25.01.2018